

Е.Ю. Фаркова

Захар

ЗАХАР — персонаж романа И.А. Гончарова «Обломов», крепостной Обломовых. В романе почти нет упоминаний о его деде и отце, которые также были крепостными. При первом обозначении в повествовании он представлен как старинный и преданный слуга дома, хранящий верность фамильным портретам, преданиям о старинном быте и важности дома Обломовых.

Во время действия романа Захар — пожилой человек, которому за пятьдесят лет. В молодости служил лакеем в барском доме в Обломовке, потом был произведен в дядьки к Илье Ильичу, позднее, в Петербурге, стал его камердинером.

Леность дана Захару от природы. Он родился и вырос в благословенном уголке, где «все тихо и сонно». Крепостные Обломовых: Онисим Суслов, кузнец Тарас, водовоз Антип, портной Аверка, плотник Лука, Андрюшка, Петрушка, Васька, Мотька и др. — были тихого невозмутимого нрава, их не волновали ни сильные страсти, ни отважные предприятия. Представления о внешнем мире имели ограниченные: пристань на Волге была их Колхидой и Геркулесовыми столпами. Редкие из крестьян Обломовых ездили в губернский город, за которым, они знали, есть Саратов или Нижний. Слыхали о Москве и Питере, слыхали, что «за Питером живут французы или немцы». Далее, как они представляли, начинался «темный мир, неизвестные страны, населенные чудовищами, людьми о двух головах, великанами; там следовал мрак — и наконец все оканчивалось той рыбой, которая держит на себе землю». Крестьяне в Обломовке жили счастливой жизнью, ибо думали: нельзя иначе как-нибудь пахать, сеять, жать, продавать. Они были уверены, «что и все другие живут точно так же и что иначе — грех».

Лакейская служба развила в Захаре леность, полученную от природы, до крайних пределов. В молодости он был «проворным, прожорливым и лукавым парнем» (именно таким его помнит Обломов). Когда Захар стал лакеем, его обязанностью стало провожать господ в церковь и гости. Изнывая от скуки, стремился убежать из прихожей, но барин Илья Иванович возвращал назад: «А ты, Захарка, постреленок, куда опять бежишь? ... Вот я тебе дам бегать! Уж я вижу, что ты это в третий раз бежишь. Пошел назад, в прихожую!» И чаще всего Захар дремал в прихожей, сплетничал в людской и на кухне, целыми часами стоял у ворот. А после того, как он был произведен в дядьки к маленькому Обломову, Захар стал считать себя аристократической принадлежностью барского дома, предназначенную для поддержания полноты и блеска старинной фамилии. Он одевал утром и раздевал вечером барчонка, а остальное время не делал ничего.

Захар получил воспитание и приобрел манеры в деревне, на покое, просторе и вольном воздухе. Там ничего не стесняло его движений. Он привык служить около массивных вещей, обращаться «все больше с здоровыми и солидными инструментами... железными дверными скобками и такими стульями, которых с места не своротишь». Попав в город, в стесненное пространство квартиры, Захар не может прямо пройти в отворенную дверь или половину двери, задевает боком, ногой за стол, стул. Все из его рук падает, все в его руках ломается: посуда, подсвечник, лампа, транспарант, пресс-папье. «Иная вещь... стоит года три, четыре на месте — ничего; чуть он возьмет ее, смотришь — сломалась». Неловкость слуги всегда имеет печальные последствия: если несет через комнату кучу посуды, то на другой конец принесет только одну рюмку или тарелку; если уронит вещь, то всегда нагнется за ней три раза. Собственная неловкость раздражает Захара, рассердившись, с бранью и проклятием сам бросает последнее, что остается в руках.

Попав в город, Захар не старается «изменить не только данного ему Богом образа,

но и своего костюма, в котором ходил в деревне». Живя в Петербурге, он носит серый сюртук, серый жилет с медными пуговицами. Эта полуформенная одежда в квартире на Гороховой напоминает ему ливрею, в которой он провожал покойных господ в церковь или гости. Ливрея для Захара не только символ его прежней службы, но и символ богатства и знатности Обломовых. Позднее, когда после переезда с Гороховой на Выборгскую сторону Обломову будут служить Анисья и Агафья Матвеевна, Захар превратит серый сюртук в куртку. Перешитая куртка станет напоминанием прежней жизни в Обломовке и на Гороховой. А после смерти Ильи Ильича Захар, оставшись без места и превратившись в нищего, будет носить полинявшую шинель без одной полы, старые стоптанные калоши на босу ногу, меховую обтертую шапку. Одежда — самая динамичная деталь в образе Захара, обозначающая все этапы его карьеры слуги. В Обломовке Захар носит ливрею — форменную одежду лакеев, расшитую мишурной тесьмой. В Петербурге на Гороховой ливрею заменяет серый сюртук с медными пуговицами, в котором еще заметны атрибуты форменной одежды слуги, а в доме Пшеницыной Захар будет носить непонятного вида одежду. Ливрея, сюртук, куртка, полинявшая шинель без одной полы словно повторяют костюмы Обломова (халат — прекрасно сшитый сюртук — халат).

Главной деталью портрета Захара являются бакенбарды, необъятно широкие и густые, с проседью, «из которых каждой хватило бы на три бороды». Они, как сюртук, напоминают о былом величии господского дома. Захар дорожит своими бакенбардами, аристократическим украшением многих слуг, которых он видел в своем детстве. В описании бакенбард передаются настроение и эмоции героя: «Захар усмехнулся во все лицо, так что усмешка охватила даже брови и бакенбарды, которые от этого раздвинулись в стороны, и по всему лицу до самого лба расплылось красное пятно». На бакенбардах запечатлеваются и трагические изменения в судьбе Захара: «бакенбарды были по-прежнему большие, но смятые и перепутанные, как войлок, в каждой точно положено было по кому снега».

Захар — зеркальное отражение Обломова. «Барин, кажется, думал: «Ну, брат, ты еще больше Обломов, нежели я сам», а Захар чуть ли не подумал: «Врешь! ты мастер говорить мудреные да жалкие слова, а до пыли и до паутины тебе и дела нет». Когда Обломов переезжает в Петербург, то на Захара обрушиваются обязанности по всему дому. Защищаясь от них и отгораживаясь от новой, столичной жизни, он определяет круг деятельности, за который старается не преступать: ставит утром самовар, чистит сапоги, то платье, которое барин спрашивает, метет — не каждый день — середину комнаты. «Никакими средствами нельзя было заставить его внести новую постоянную статью в круг начертанных им себе занятий». Захар будет делать все то же и так же, что делал прежде сначала в Обломовке, потом на Гороховой, Выборгской стороне, в доме Агафьи Матвеевны Пшеницыной.

Захар женился в пятьдесят пять лет, «вследствие ли разрыва с кумой или так, по убеждению, что человек должен быть женат». Его избранницей стала Анисья, «живая, проворная баба, лет сорока семи, с заботливой улыбкой, с бегавшими живо во все стороны глазами, крепкой шеей и грудью и красными, цепкими, никогда не устающими руками». До замужества она занималась рынком и кухней, принадлежала к многочисленному люду петербургской обслуги. После замужества быстро причислила себя к дому Обломовых, бессознательно разделила судьбу мужа, неразрывно связанную с жизнью, домом и особой Ильи Ильича. Захар, в отличие от Анисьи, не переменился. После женитьбы был «все такой же: те же огромные бакенбарды, небритая борода, тот же серый жилет и прореха на сюртуке».

Анисья обладала всеми теми качествами, которых не было у Захара: живостью, проворностью, легкостью, гибкостью. Она являла собою тот тип слуги (служанки), который приспособляется к хозяину. Не случайно в ее внешности отмечается незаметность лица: «Лица у ней почти вовсе не было ... оно так обтянулось, выцвело, что о носе ее давно уже получишь ясное понятие, а лица все не заметишь».

Благодаря своей ловкости и проворности она быстро, «в две недели», доказала Захару, «что он — хоть брось». «Каждый шаг его — все не то и не так». Стало ясно: Анисья умнее мужа, гордость которого была уязвлена, и Захар не мог ей простить этого. Стал обходиться с Анисьей грубо и враждебно, стремясь обидеть и унижить ее, понимая, что она постепенно вытесняет его из жизни Обломова.

Несмотря на враждебное отношение Захара, Анисья становится его спасительницей. Она сглаживает конфликты между барином и слугой. После смерти Обломова Захар полностью переходит на попечение Анисьи. Без нее он становится беспомощным и беззащитным, «когда Анисья была жива, так я не шатался, был кусок и хлеба, а как она померла в холеру, — царство ей небесное, — братец барынин не захотели держать меня, звали дармоедом».

Семейная жизнь Захара представляет неизбежный будничным финал романтической любви Обломова. «Много в свете таких мужей, как Захар... Обходятся эти господа с женами так же мрачно или легко, едва устаивают говорить, считая их так, если не за баб, как Захар, так за цветки, для развлечения от деловой, серьезной жизни».

Долгая служба научила Захара хорошо разбираться в гостях своего барина. Он любил о них вести откровенные беседы у ворот или на лавочках. В наружности, манерах и характере гостя отмечал какую-нибудь приметную — «угловатую» — черту. Из всех приходящих к Обломову он затруднялся характеризовать Алексея, которому природа не дала «никакой редкой, заметной черты, ни дурной, ни хорошей». Захар про Алексея говорил: «А у этого ни кожи, ни рожи, ни ведения». Благоговейный перед барином, Захар не считает нужным скрывать свое отношение к его гостям. Как верный слуга, он хорошо чувствует и знает, как с кем себя вести. С Тарантьевым, человеком грубым и бесцеремонным, он почти враждебен: «Дома? — громко и грубо кто-то спросил в передней. — Куда об эту пору идти? — еще грубее отвечал Захар». Зато приезду Штольца он искренне рад, называя его: «Батюшка Андрей Иванович». Чувствуя в Штольце властную и сильную личность, Захар с охотой подчиняется ему: «Слушаю, батюшка, Андрей Иванович, вот только сапоги почищу... Скажу, не забуду, все скажу... Слушаюсь, сударь».

Наряду с безграничной преданностью барину, всему, что носит имя Обломова, под влиянием новой эпохи Захар приобрел утонченность и развращенность нравов. Он лгал и грубил барину, пил с приятелями на его счет, обворовывал и объедал Илью Ильича, сплетничал о нем.

Верность и преданность Захара барину были чуть ли не инстинктивными и природными, перешли от деда, братьев, дворни. Захар, не задумываясь, сгорел бы или утонул за барина, умер бы вместо него; «просто бросился бы на смерть, точно так же как собака, которая при встрече с зверем в лесу бросается на него, не рассуждая, отчего должна броситься она, а не ее господин». И Обломовку он любил, «как кошка свой чердак, лошадь — стойло, собака — конуру, в которой родилась и выросла».

Захар и Обломов постоянно ссорятся. Конфликты возникают из-за нерадивости и лени Захара. В такого рода стычках он, как правило, выходит победителем. Лишь только возникает необходимость вытереть пыль, помыть и т.д., Захар всегда заводит тяжбу, доказывая необходимость громадной возни в доме. Захар очень хорошо знает, что сама мысль о каких-либо действиях в доме приводит Илью Ильича в ужас.

Однако не лень выводит Обломова из себя, а душевная грубость и нетактичность слуги, равнодушные к чувствам и настроению барина. В словесных баталиях Захар оказывается всегда побежденным. Он теряется, впадает в состояние тревоги и готов во всем соглашаться с барином. В патетических сценах, которых он не выносит и которые были для него хуже горькой редьки, Захар не может противостоять барину, теряет способность понимать его речи, «жалкие слова»: «Мы при старом барине родились и выросли, он и щенком изволил бранить, и за уши драл, а этакое слова не слыхивали, выдумок не было».

Захар не только не меняет своих привычек и наружности, не выходит за круг своих обязанностей, он словно законсервировался и в своей внутренней сути. Оставаясь равнодушным к чувствам и переживаниям барина, Захар не способен уловить перемены в его настроении и расположении духа. Накануне приезда Ольги Ильинской Обломов просит Захара уйти, он глухо отнекивается, отговаривается, лениво глядя в окно.

Несмотря на постоянные ссоры слуги и барина, они не могут обходиться один без другого. Без помощи Захара Илья Ильич «не умел ни встать, ни лечь спать, ни быть причесанным и обутом, ни отобедать». Захар же «не умел представить себе другого барина, кроме Ильи Ильича, другого существования, как одевать, кормить его, грубить ему, лукавить, лгать и в то же время внутренне благоговеть перед ним».

Именно Захар — первая и последняя инстанция, препятствующая барину выйти из круга обломовщины.

«За границу! – вдруг, усмехнувшись, проговорил Захар. – Благо что поговорили, а то за границу!»

— Что ж тебе так странно? Поеду, да и конец... У меня и паспорт готов, – сказал Обломов.

— А кто там сапоги-то с вас станет снимать? – иронически заметил Захар. – Девки-то, что ли? Да вы там пропадете без меня!».

Своей грубостью, прозрачной приземленностью Захар невольно разрушит в воображении Обломова поэтический идеал свадьбы. После слов Захара: «Стало быть, свадьба-то после Рождества будет? ...Известно какая: ваша!.. Ведь вы женитесь? ...Люди Ильинские еще летом сказывали... Разве я выдумал?» — краски в романтических мечтаниях Обломова становятся другими. Он ясно увидел вдруг, что «тут же, в толпе, был грубый, неопрятный Захар и вся дворня Ильинских, ряд карет, чужие, холодно-любопытные лица... мерещилось все такое скучное, страшное...»

После смерти Обломова завершается и судьба Захара. Он не может жить в иных домах, не может служить в других местах. Такие слуги, как Захар, не подходили новому времени и новым господам. Нужны были грамотные, проворные и умелые лакеи, камердинеры, швейцары. Другие господа, чужие и неродные, не прощали слугам неловкости, неопрятности и грубости. Но, даже нищенствуя и бродяжничая, Захар сохраняет верность Обломовым. Он не согласен ехать в деревню к Штольцу и остается жить рядом с могилой барина: «Ехать-то неохота отсюда, от могилки-то! Наш-то кормилец-то, Илья Ильич... опять помянул его сегодня, царство ему небесное! Этакого барина отнял Господь! На радость людям жил, жить бы ему сто лет...»